

Дядюшка «Воздаяние за усердие» и его лысый товарищ, глядя на выведенные иероглифы, погрузились в задумчивость. Они, конечно, знали свой уровень — так, любители, для души. Но это не мешало им ценить настоящее мастерство.

Юноша писал в стиле «гуаньгэ» — официальном, очень строгом, в который трудно вложить душу. Считалось, что освоить форму этого стиля при должном усердии несложно, гораздо труднее — выработать собственный почерк. Но у этого молодого человека уже был свой, неповторимый стиль.

— Ты, должно быть, много лет упражнялся, — пробормотал собеседник, потирая подбородок.

— Я вырос в даосском храме, — искренне ответил Цзюнь Цюлань. — На горе мы с детства писали только кистью.

Легенда о даосе, спустившемся с гор, снова сослужила ему добрую службу. Еще раз спасибо мастеру Цинхэну.

— Пойдем, пойдем со мной домой! — схватил его за руку мужчина. — Напишешь мне пару свитков. Я тебе заплачу! В массовке сто пятьдесят в день платят, и я тебе сто пятьдесят дам.

— Так не пойдет! — запротестовал лысый дядюшка. — И мне напишешь! Сколько он даст, столько и я.

Так, ошеломленный Цзюнь Цюлань оказался увлечен двумя мужчинами.

Жили они недалеко, в старом частном секторе на окраине киностудии. Кажется, Чжан Ли упоминал это место. У ворот одного из домов юноша увидел объявление: «Сдается комната».

«Так у него еще и дом сдается?»

Но первый дядюшка не дал ему и рта раскрыть. Едва войдя в дом, он тут же приготовил тушь, бумагу, кисти и чернильницу.

По правде говоря, Цзюнь Цюлань давно не достаивался такого приема.

— Подаю кисть великому мастеру, — со знанием дела произнес хозяин дома, используя молодежный сленг.

Но он не знал, что гость этого сленга не понимает.

— Что вы, я не мастер, — замахал руками юноша. — Просто я с детства больше привык к кисти. Что бы вы хотели, чтобы я написал?

— Напиши мне «Приглашение к вину» поэта-бессмертного, — без обиняков попросил собеседник.

«Поэт-бессмертный? “Приглашение к вину”? Должно быть, это стихи из этого мира»

Цзюнь Цюлань не стал задавать лишних вопросов, а лишь сказал, чтобы не выдать себя:

— Я лучше посмотрю текст, чтобы не ошибиться в иероглифах.

— Конечно, конечно, — с нетерпением согласился мужчина.

Цзюнь Цюлань прочел стихотворение про себя. Душа его трепетала от мощи слога. Он мгновенно проникся глубоким уважением к этому поэту.

«Ли Бо, династия Тан»

Тан, должно быть, название династии. А поэт-бессмертный, значит, жил много веков назад.

Внезапно Цзюнь Цюлань осознал, что, поглощенный борьбой за выживание, он еще толком не познакомился с этим миром. Даже то, что здесь нет императора, он узнал случайно от Чжан Ли. Позже он немного почитал о новейшей истории, о переходе от так называемого феодального строя к современному обществу, и был глубоко впечатлен.

Возможно, из-за неприязни к последней феодальной династии своего собственного мира он до сих пор не интересовался историей этой страны. А ведь судя по письменности, обычаям и многим другим деталям, их миры должны были быть очень похожи.

Сегодняшнее стихотворение пробудило в нем желание узнать больше о династии Тан.

Собравшись с мыслями, он обмакнул кисть в тушь и начал писать. На этот раз он выбрал полуустав.

Стихотворение, насчитывающее меньше двухсот иероглифов, он написал с размахом, вкладывая в каждый штрих свое восхищение и почтение.

— Хорошо! Хорошо! Хорошо! — не мог сдержать восторга дядюшка.

Не только иероглифы были прекрасны, но и сама манера письма была исполнена изящества. У

него не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение.

— Теперь моя очередь! — вмешался лысый. — Мне «Трудный путь в Шу».

— А ты хитрец! — возмутился его друг. — В «Трудном пути в Шу» на сто с лишним иероглифов больше.

— Ну так я и заплачу больше, — не сдавался тот.

Такая каллиграфия, если бы не безвестность этого юноши, стоила бы целое состояние. Им просто повезло.

Цзюнь Цюлань не стал отказываться и нашел текст «Трудного пути в Шу». Чем больше он читал, тем больше восхищался.

«Недаром его прозвали поэтом-бессмертным»

— А парень-то со знанием дела, — усмехнулся хозяин. — Знает, что знаки препинания в каллиграфии не ставят.

Юноша улыбнулся. Он считал знаки препинания великим изобретением, но по привычке писал без них.

— Рад, что вам понравилось.

Едва он закончил, как позвонил Чжан Ли и спросил, не хочет ли он подработать после обеда. Нашлась высокооплачиваемая вакансия — нужно было лезть в грязь. Грязно, зато платят хорошо.

Цзюнь Цюлань тут же согласился. После такой работы можно будет со спокойной совестью пойти в душ.

Два дядюшки хотели было попросить его написать еще, но, услышав, что он торопится на работу, не решились задерживать.

— Давай-ка мы с тобой в WeChat добавимся, — предложил лысый. — Моя фамилия Ван, можешь звать меня дядя Ван.

Дядюшка «Воздаяние за усердие» тоже, наконец, обрел имя:

— А я — Хуа, дядя Хуа.

Оба были забавными. В итоге дядя Хуа перевел ему триста юаней, а дядя Ван — пятьсот.

Итого восемьсот.

Еще утром Цзюнь Цюлань беспокоился из-за отсутствия денег на жилье, а теперь у него была нужная сумма. Не слишком ли ему везет?

— Дядя Хуа, я видел, у вас дом сдается?

— А что, хочешь снять? — взглянул на него тот. — У меня только комната на чердаке осталась, но все удобства есть. Хочешь посмотреть? Я тебе скидку сделаю, а ты мне потом еще пару свитков напишешь.

Юноша, конечно же, согласился. Ему нужно было лишь безопасное место для перемещений, да чтобы вода и электричество были под рукой. Раньше он думал, что все его знания и умения здесь бесполезны, но теперь понял, как ошибался.

Впрочем, он осознавал, что долго этим зарабатывать не получится. Не то чтобы он не был уверен в своей каллиграфии — он держал кисть с трех лет, когда еще палочки для еды в руках не мог удержать, а учителем его был знаменитый на всю страну мастер. Просто в этом мире культура была другой, и за все время он встретил лишь этих двоих, искренне интересующихся каллиграфией.

Но то, что его мастерство оценили, придало ему уверенности в успехе с продажей складных вееров. Ведь это тоже письмо, а веер — вещь полезная. Он видел, что на ночном рынке многие молодые люди в ханьфу носят веера — и для прохлады, и как украшение.

Дом был трехэтажным. На первом жили дядя Хуа с женой. Их дочь работала в столице и приезжала только на Новый год. Когда здесь начали строить киностудию, их дом под снос не попал, но умная дочь посоветовала отцу переоборудовать пустующие комнаты и сдавать их актерам массовки или приезжим рабочим. И вот, все комнаты были уже заняты.

Остался только чердак.

Но это был не просто чердак. Комната оказалась просторнее, чем на втором этаже. Здесь стояли кровать, большой шкаф, был отдельный туалет, а у окна — стол, который можно было использовать и как письменный, и как обеденный. Это было гораздо лучше, чем он ожидал.

— Комнаты на втором этаже я сдаю по пятьсот, — сказал дядя Хуа. — Тебе отдам за четыреста. Интернет бесплатный, а за воду и электричество... будешь мне каждый месяц по свитку писать, и я с тебя денег не возьму.

Ему стало даже неловко. Он слышал от Чжан Ли, что плата за коммунальные услуги невысокая, у того одного выходило всего несколько десятков юаней в месяц.

Решено. Такая экономия! Он не мог не согласиться.

Они подписали простой договор аренды. Залог за один месяц плюс оплата за месяц вперед. Восемьсот юаней, которые он только что получил, тут же вернулись к хозяину.

— У меня тут два старых матраса есть, — усмехнулся тот. — Жена давно велела выбросить, а мне жалко, они еще хорошие. Хочешь, забирай. Ручной работы, набиты хлопком.

Дядюшка видел, что парень, скорее всего, стеснен в средствах.

— Большое спасибо, дядя Хуа.

Доброта, с которой он сталкивался в этом мире, все больше убеждала его в том, какой он прекрасный. Только тот, кто сам живет в достатке и имеет возможность, будет так охотно помогать другим.

Два матраса, белые, с легкой желтизной, были на ощупь очень мягкими. Поднимая их наверх, юноша чувствовал, как от них исходит тепло. Не шелк, не лен, не мех. Дядя Хуа сказал — хлопок.

Цзюнь Цюлань запомнил это название.

— Ладно, вот ключи, не теряй. На первом этаже тряпки, веник, воспользуешься — положи на место, — махнул рукой хозяин. — Мне за продуктами надо, жена скоро с маджонга вернется.

Юноша улыбнулся. Решив проблему с жильем, он почувствовал огромное облегчение. До встречи с Чжан Ли оставалось время, и он решил прибраться в комнате. Впрочем, убирать было особо нечего. Он вытер пыль и застелил кровать.

Подумав о родителях, Цзюнь Цюлань решил отнести им лишний тюфяк.

— Сяо Лань? — удивилась Сун Сижун, собиравшаяся готовить обед. — Почему ты вернулся так скоро? Что-то случилось?

Она заметно встревожилась.

— Все в порядке, — поспешил успокоить ее сын. — Просто принес вам кое-что.

И он рассказал, как заработал на каллиграфии и снял жилье. О камерах видеонаблюдения он умолчал, чтобы не волновать матушку.

Сун Сижун вздохнула с облегчением.

— Раз уж вернулся, пообедай с нами. Вань'эр у соседки, они вместе вышивают.

По официальной версии для деревни, они вели совместный бизнес: соседи делали веера, а Цюлань их продавал.

— Кстати, Сяо Лань, если будет возможность, принеси семян сезонных овощей. Я видела, соседи разбили огород за домом, тоже хотят что-нибудь посадить. И я подумала, может, и нам стоит.

Она полагала, что раз в том мире все вещи такие качественные, то и семена должны быть лучше. Каждый день есть мясо они не могли — стоило начать его готовить, как аппетитный запах разносился на полдеревни. Богатство напоказ выставлять было нельзя. А вот овощи были нужны, не будешь же вечно собирать дикоросы в лесу.

Юноша пообещал все исполнить. Воспользовавшись тем, что в обеденное время все сидели по домам, он переделся, взял мотыгу и пошел вскапывать заброшенную землю за домом. На лице он изобразил привычную усталость и отвращение к крестьянскому труду.

Представление должно быть полным.

<http://bllate.org/book/15876/1441286>